

УДК 8294

DOI: 10.31029/vestiyali24/10

ВОСПОМИНАНИЯ МАГОМЕДА ЭФЕНДИЕВА В КОНТЕКСТЕ ДАГЕСТАНСКОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

З. Р. Исмаилова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Магомед Эфендиев – единственный автор воспоминаний о Л. Н. Толстом в дагестанской мемуарной литературе, ведь в литературе о Л. Н. Толстом других дагестанцев-мемуаристов нет. В воспоминаниях М. Эфендиева немало интересных подробностей о великом писателе и его семье. Кроме того, воспоминания Магомеда Эфендиева интересны и в плане нового взгляда на творчество Л. Н. Толстого, в частности, например, схожесть некоторых сцен суда в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» и некоторых аспектов биографии самого М. Эфендиева. Несмотря на отдельные спорные моменты, эти воспоминания представляют несомненную ценность как для дагестанской литературы в целом, так и для литературы о Л. Н. Толстом.

Ключевые слова: воспоминания, литература о Л. Н. Толстом, автобиографический жанр, мемуары как жанр, дневники, достоверность, портреты, социальная проблематика.

Magomed Efendiev is the only author of memoirs about L. N. Tolstoy in the Dagestan memoir literature, because there are no other Dagestan memoirists in the literature about L. N. Tolstoy. M. Efendiev's memoirs contain many interesting details about the great writer and his family. In addition, the memoirs of Magomed Efendiev are also interesting in terms of a new look at the work of L. N. Tolstoy, in particular, for example, the similarity of some scenes of the trial in the novel «Resurrection» by L. N. Tolstoy and some aspects of the biography of M. Efendiev himself. Despite some controversial points, these memoirs are of undoubted value both for Dagestan literature in general, and for literature about L. N. Tolstoy.

Key words: memoirs, literature about L. N. Tolstoy, autobiographical genre, memoirs as a genre, diaries, authenticity, portraits, social issues.

О Магомеде Эфендиеве, авторе воспоминаний о Л. Н. Толстом, и его семье известно очень мало. Родом он был из села Штул Курахского района. Но позже, когда автор был еще ребенком, его семья вместе с ним переехала в село Ашагагинит Хивского района. Впоследствии, в 1970-е годы, автор жил в поселке Белиджи, в своем доме. В этом же поселке жил и его старший брат Махмуд-Эфенди. Известно от посещавших Магомеда Эфендиева, что в его доме были портреты Л. Н. Толстого и его жены, написанные им по памяти. Портреты имеют довольно сильное сходство, написаны вполне профессионально. В воспоминаниях автор не упоминал о занятиях живописью или рисунком, но, вероятно, он пришел к этому искусству позднее и смог воспроизвести портреты Толстого и его жены. Известно также, что существует текст воспоминаний М. Эфендиева на лезгинском языке, возможно, стоит сверить и сравнить эти тексты, оба они авторские. Но это уже дело для будущего исследователя. Возможно, это прояснит некоторые моменты в русском тексте, которые позднее будут отмечены в нашей работе.

М. Эфендиев познакомился с Л. Н. Толстым, находясь в ссылке в Тульской губернии. Как следует из текста сочинения М. Эфендиева, великий писатель пригласил его в Ясную Поляну, где он и его семья по мере возможности заботились о нем и его образовании. Воспоминания М. Эфендиева написаны живо и увлекательно. Они представляют собой уникальное явление в дагестанской мемуарно-биографической литературе, так как, пожалуй, это

единственное мемуарное сочинение дагестанца о Л. Н. Толстом и его семье. Хотя М. Эфендиев в момент знакомства с Толстым был еще очень юным, ему было лишь 16 лет, воспоминания его дают немало ценных и интересных наблюдений, как о жизни Толстого и его семьи, так и об отношении великого писателя к нашему земляку, как, впрочем, и его близких. Конечно, воспоминания 16-летнего мальчика не передают той сложной атмосферы в семье Толстых, драматичности их взаимоотношений, что естественно, так как вряд ли они демонстрировали это при посторонних, лишь близкие друзья Толстых знали об этом и причинах последующего ухода писателя от жены и детей.

В воспоминаниях М. Эфендиева, как это обычно бывает, даны портреты не только Льва Толстого и его близких, но и самого автора. Видно, что общение с великим писателем, его семьей, обучение в Ясной Поляне, общение с различными гостями и посетителями, особенно с Душаном Маковицким, школьным учителем, заметно повлияли на формирование личности автора. По мере пребывания в Ясной Поляне и обучения автор, его отношение к миру становится более зрелым, взвешенным. Вместе с тем основы традиционного дагестанского воспитания, заложенные в нем на родине, его семьей, остаются и лишь дополняются и обогащаются новыми знаниями и культурой. Лев Толстой и его близкие были знакомы с обычаями, традиционными для Кавказа, автор показывает, как уважительно встречает сын Толстого Андрей Львович старшего брата автора воспоминаний, приехавшего к нему в гости, оказывает ему гостеприимство, приказав заколоть для него барана. Автор благодарен за это внимание, особенно в отношении к его родным. Очень показательна также прямо-таки материнская забота о юном Магомед Софьи Андреевны, которая постоянно беспокоится о его питании, опасаясь, не голоден ли он.

Характерно, что из других воспоминаний близких и друзей семьи Толстого это мнение о Софье Андреевне подтверждается. Уже после революции, бывшие крестьяне Ясной Поляны вспоминали с любовью и благодарностью заботы С. А. Толстой.

Все это нельзя не учитывать, хотя, как уже упоминалось выше, обстановка в Ясной Поляне тогда была очень напряженная, слишком многое уже отдаляло Л. Н. Толстого от его семьи. Не вдаваясь в сложные перипетии их внутрисемейных отношений, отметим, что в основе их были духовные искания Льва Толстого, его неприятие той жизни, которую вели тогда представители его социального положения.

Конечно, необходимо учитывать при анализе воспоминаний М. Эфендиева, что к ним нельзя относиться очень строго. В них, несомненно, присутствует немалый элемент вымысла, особенно это касается диалогов. События, факты, возможно, соответствуют действительности, но мелочи, детали, диалоги, которые автор воспроизводил уже по памяти, не могут претендовать, конечно, на строгую достоверность. Но по духу, по общей атмосфере, автор описывает достаточно объективно. Вместе с тем стоит отметить, что пребывание ссыльных кавказцев было тягостно для Л. Н. Толстого, что совершенно очевидно из его дневников и дневников С. А. Толстой. Имеется в виду осуществляемая ими охрана поместья, лесных угодий, лугов от самовольных порубок, выпаса скота на помещичьем лугу и т.д. Л. Н. Толстому было очень тяжело, что черкесы (как их называли в Ясной Поляне) охраняют их собственность, задерживают крестьян, которых потом передавали полиции и т.д. Нередко, судя по дневникам, это было причиной резких споров и переживаний Л. Н. Толстого и его жены, что в конечном итоге также способствовало его уходу. Но сами по себе они не вызывали ни в нем, ни в его семье никакой неприязни, напротив, напоминали ему о самом, может быть, счастливом периоде его жизни.

Характерно, что воспоминания Магомеда Эфендиева повествуют не только о жизни Л. Н. Толстого, но также свидетельствуют о несомненных перекличках с его творчеством. Это не только произведения, так или иначе связанные с Кавказом, но и, например, роман «Воскресение».

Для объяснения этого надо вернуться к началу воспоминаний М. Эфендиева. В начале своих воспоминаний о Л. Н. Толстом и его семье М. Эфендиев предваряет их кратким изло-

жением причин своего ареста и последующей ссылки в Тульскую губернию, где и познакомился с Л. Н. Толстым и его семьей. М. Эфендиев почти не рассказывает о своей жизни дома, в Дагестане, о ситуации там, но даже поведенная им краткая история его ареста показывает уровень тогдашнего судопроизводства в Дагестане, когда 15-летнего подростка, арестованного за мальчишескую выходку (стрельбу с товарищами в праздник), по ложному обвинению приговаривают к столь суровому наказанию – 12 годам ссылки в Тульскую губернию. Уже здесь ярко показан произвол и несправедливость судебной системы тогдашней России, усиленную и условиями Дагестана.

Случайно или нет, эта краткая история ареста и ссылки во вступлении к воспоминаниям М. Эфендиева о Л. Н. Толстом воспринимается словно яркая обличающая иллюстрация автора воспоминаний к роману «Воскресение», где писателем так беспощадно были выявлены пороки тогдашней российской судебной системы.

Еще один факт, характеризующий судебную систему Дагестана начала XX века. В день, когда М. Эфендиев и его товарищи упражнялись в стрельбе, празднуя Навруз байрам, вечером был убит в уличной драке зять М. Эфендиева. Приехавшие на следствие следователь и участковый арестовали убийцу, а также М. Эфендиева, как зачинщика стрельбы. Но характерно, что убийца был отпущен на поруки до суда, а М. Эфендиева, 15-летнего подростка, посадили в тюрьму, где он провел почти месяц, пока не убежал, считая себя ни в чем не виновным. Видимо, мальчику не везло, именно в это время был убит убийца зятя, после чего были арестованы отец и братья М. Эфендиева. Магомеда же Эфендиева также арестовали за побег. Позже начальник тюрьмы, обозленный за побег, инкриминировал М. Эфендиеву участие в убийстве вместе с другими обвиняемыми, хотя для этого не было оснований. Вся эта предыстория ареста М. Эфендиева и его пребывание в тюрьме до приговора и ссылки, еще раз отметим, словно ярко иллюстрирует роман «Воскресение» Толстого.

Вместе с тем хотелось бы выделить некоторые моменты воспоминаний М. Эфендиева. Вообще примечательно, что никаких упоминаний о Магомеде Эфендиеве нет ни в письмах семьи Толстого, ни в дневниках Толстого, его жены и дочери, Татьяны Львовны, также общавшейся с автором воспоминаний. Но возможно, что причиной этому было то, что он был взят на поруки Андреем Львовичем Толстым и жил, по-видимому, в его поместье, лишь время от времени посещая с различными поручениями Ясную Поляну. Иначе трудно объяснить полное отсутствие каких-либо упоминаний о нем в мемуарных сочинениях и письмах семьи Толстых. Возможно, лишь А. Л. Толстой мог хоть что-либо написать о Магомеде Эфендиеве. Но, к сожалению, А. Л. Толстой не оставил ни дневника, ни воспоминаний.

К тому же именно у А. Л. Толстого были серьезные разногласия с Л. Н. Толстым и даже с С. А. Толстой. Это касалось и его образа жизни вообще и в частности его семейных взаимоотношений. Как известно, Андрей Львович оставил свою первую семью и, увлекшись Е. В. Арцимович, женой тульского губернатора, матерью пятерых детей, женился на ней 14 ноября 1907 года, несмотря на попытки его родителей повлиять на него и сохранить его первую семью. Л. Н. Толстой нередко писал сыну письма с увещаниями, начиная еще с 22 августа 1901 года и вплоть до мая и июня 1907 года. Все это упоминается здесь, чтобы показать, что отношения Л. Н. Толстого с А. Л. Толстым были сложными, порой крайне напряженными. Это касалось не только семейных дел А. Л. Толстого, но и его отношения к взглядам и идеям отца. Отношения с матерью у А. Л. Толстого были лучше, ровнее, но и здесь были споры и огорчения, особенно относительно его семейной жизни.

Все это нельзя не учитывать, анализируя воспоминания М. Эфендиева, хотя, как видно из его книги, отношения автора с сыном Л. Н. Толстого были самыми дружественными. Но, несмотря на это, нельзя не отметить некоторого легкомыслия в характере А. Л. Толстого, его безмерного увлечения охотой, стремления вовлечь в круг своих интересов и Магомеда. М. Эфендиев сам показывает, что чувство благодарности, признательности за гостеприимство, внимание сильно влияет на его отношение к сыну Л. Н. Толстого. Возможно, он умал-

чивает о каких-либо не слишком умеренных проявлениях характера А. Л. Толстого или просто не замечает их.

Как уже упоминалось, большинство диалогов своими подробностями, да и стилем, вызывают сомнения в их достоверности. Так, на стр. 9 С. А. Толстая одобряет сына, что он вывез Магомеда из-под полицейского надзора в Ясную Поляну. Трудно поверить, что автор мог запомнить столь длинный разговор с С. А. Толстой, да и стиль этой беседы, позволяет усомниться в его достоверности: «Молодец Андрюша, что выручил его из полицейских лап. Но почему ты его называешь гостем? Он теперь наш постоянный жилец» [4, с. 9].

Заявление здесь же С. А. Сухотиной-Толстой, что она сама будет заниматься с Магомедом русским языком во время ее пребывания в Ясной Поляне, также не отмечено ни в ее воспоминаниях, ни в ее дневнике. Повторяем, отсутствие упоминания о нем в дневниках и воспоминаниях Толстых не является, возможно, свидетельством недостоверности воспоминаний М. Эфендиева. Ведь автор общался с ними в наиболее напряженный период жизни, поэтому не удивительно, что там совсем иные записи. Несомненно также, что о многом увиденном М. Эфендиев умалчивал, вероятно из соображений деликатности, а кроме того, и из цензурных соображений советского времени.

Несомненно также, что Магомед Эфендиев хорошо знаком с мемуарной литературой о Толстом, свидетельствами его близких и друзей. Так, он упоминает о последнем письме Л. Толстого, написанного перед окончательным уходом из Ясной Поляны. Автор отмечает, что ознакомился с ним уже спустя много лет, после его публикации. Возможно, что-то из мемуарных свидетельств о Толстом также было им использовано при создании его собственных воспоминаний. В этом нет, конечно, ничего необычайного. Достаточно сказать, что и сами дети Толстого – сыновья Сергей и Илья, при создании своих воспоминаний использовали как вспомогательный материал письма и дневники матери и сестры Татьяны.

Но, несмотря на то, что все эти детали, конечно, снижают достоверность воспоминаний М. Эфендиева, все же их литературная и общекультурная ценность несомненна, особенно для нас, дагестанцев. Ведь, повторяемся, М. Эфендиев был единственным дагестанцем, оставившим мемуарное произведение о Л. Н. Толстом и его семье.

Есть, например, один общий факт, но и там много противоречий и несовпадений. Речь идет о черкесе Османе, как его называла С. А. Толстая, М. Эфендиев же назвал его Осман Сфиев, не определяя, откуда он, что тоже странно, потому что он, упоминая о кавказцах, дагестанцах, знакомых ему, как правило, упоминал, кто они (так, на стр. 48, рекомендуя земляка для охраны лесной дачи Толстых, упоминает, что тот кумык, а он (М. Эфендиев) – лезгин, поэтому у них разные языки). Этого Османа освободили по ходатайству С. А. Толстой и разрешили ехать на родину. С. А. Толстая упоминает об Османе, о том, что писала прошение о его возвращении на родину (она просила о его освобождении вместе с братом, что было исполнено). Пишет она это в «Дневнике» в 1913 году, там же она пишет о прощании с Османом и его братом, отмечает, что показала на прощание комнату Л. Н. Толстого: «Торжественно прощались с черкесами, водила в комнаты Льва Николаевича» [2, с. 100]. Это обычно делалось для посетителей Ясной Поляны, которая постепенно приобретала статус дома-музея великого писателя. Но она пишет о 1913 годе, а М. Эфендиев относит это к 1909 году, еще при жизни Л. Н. Толстого и описывает это совсем иначе. По его воспоминаниям инициатором освобождения Османа (без брата) был сам писатель, по его поручению С. А. Толстая выхлопотала у губернатора разрешение для него на выезд в Дагестан. Но о брате в воспоминаниях Эфендиева Толстые не знали, М. Эфендиев также не пишет о его освобождении, а Осман, как отмечает мемуарист, жил еще некоторое время у брата, пока не уехал на родину. Все это, конечно, очень противоречиво, возникает даже ощущение, что автор мемуаров за чем-то изменил хронологию этого эпизода, а также дал иное его освещение. Все это вызывает сильные сомнения в достоверности воспоминаний М. Эфендиева. Трудно сказать, допускает ли автор вымысел в освещении этого эпизода или намеренно изменяет факты, но это,

конечно, снижает познавательную, да и эстетическую ценность его мемуаров. Ведь фактическая основа – главный признак мемуарной литературы как жанра.

Возможно, что автор руководствовался намерением в максимально позитивном свете представить личность великого писателя, но, на наш взгляд, искажение фактов лишь вызывает ощущение недостоверности, фальши.

Еще один человек, сведения о котором очень противоречивы в дневниках Толстых и воспоминаниях М. Эфендиева – некий человек, кавказец, которого Толстые называли черкесом, а Эфендиев называет его Али Шихов, отмечая, что он кумык. Известно, что С. А. Толстая назначила его охранять парк и лес Ясной Поляны от порубок, Л. Н. Толстой же отнесся к этому крайне негативно, его мучило, что крестьяне Ясной Поляны преследовались им не только за порубку, но и за сбор сухого дерева (обрубков). Так, Т. Л. Сухотина-Толстая пишет в своем дневнике за 1910 год, что отец был очень расстроен, узнав о том, что черкес задержал Прокофия, бывшего еще одним из первых учеников Л. Н. Толстого, когда тот начинал преподавать в яснополянской школе: «Гадко, на душе гадко. Надо уйти отсюда, это единственное, что можно сделать (слова Л. Н. Толстого. – З. С.). Оказывается, возвращаясь домой с прогулки, он наткнулся на черкеса, который привел старика Прокофия за то, что тот поднял какие-то старые макушки» [1, с. 240]. Л. Н. Толстой в своем дневнике также писал об этом: «Ужасно стало тяжело, прямо думал уйти» [3, с. 60].

Об этом М. Эфендиев не пишет, он рассказывает об этом совсем иначе. В его воспоминаниях нет упоминаний о преследовании крестьян Ясной Поляны, он пишет, что Али Шихов, как он его называет, позже был привлечен и к охране усадьбы, и по незнанию языка не пропускал вечером друзей и родственников Толстых, приезжающих вечерним поездом. Поэтому С. А. Толстая поручала ему вечером помогать Али Шихову дежурить в усадьбе. Все это очень непонятно, опять возникает ощущение недостоверности. Ведь М. Эфендиев, если бы находился в то время в Ясной Поляне, не мог бы не знать об этом. Значит, следует вывод, что либо автор изменил факты, либо он в то время не был в Ясной Поляне.

Есть еще один человек из его воспоминаний, о котором в своем дневнике упоминает С. А. Толстая, – чеченец Садо, кунак Л. Н. Толстого. Она пишет, что Л. Н. Толстой как-то раз рассказал им случай, произошедший с ним на Кавказе, когда он с Садо и еще одним своим приятелем-офицером попал в засаду, офицер (Полторацкий) пострадал, но остался жив, Л. Н. Толстого спасла быстроногая лошадь Садо, который поменялся с ним лошадьми, чтобы тот проверил резвость ногайских лошадей. Пока Садо, размахивая винтовкой, что-то кричал чеченцам, чтобы остановить их, Л. Н. Толстой успел ускакать и спастись [2, с. 111]. Этот эпизод у М. Эфендиева, конечно же, не упоминается, но он отмечает, что Л. Н. Толстой в разговоре с ним упоминает о чеченце Садо, своим другом: «Когда я был на военной службе, я жил в станице Старогладовской на Кавказе. У меня там был друг, чеченец Садо» [4, с. 15]. Других упоминаний о нем в воспоминаниях М. Эфендиева нет. Известно, что Л. Н. Толстой использовал некоторые особенности этого эпизода в своем рассказе «Кавказский пленник» [3, с. 304–306]. Таким образом, здесь в воспоминаниях опять есть связь с творчеством Толстого.

Хотелось бы упомянуть еще о некоторых деталях. По воспоминаниям М. Эфендиева может создаться впечатление, что Л. Н. Толстой сочувствовал революционным идеям, чуть ли не сам исповедовал их в своих публицистических работах. Это, конечно, не так. Толстой при всем неприятии царя и его окружения, революционером не был. Он, несомненно, был искренне верующим человеком, исповедовал мораль и этику раннего христианства (многое он принимал и в исламе). Отсюда его конфликт с православием, так как он призывал вернуться к идеям и постулатам раннего христианства, выступал против пышной обрядности православия, а также против его (православия) примирения с государственным насилием, с существующим положением общества, где совмещались роскошь и нищета. Но Л. Н. Толстой не призывал исправить это насилием, он как раз хотел ненасильственного, нравственного исцеления общества, призывал к отказу от насилия в государственных структурах, прежде всего в судебной системе. Об этом, собственно, роман «Воскресение» и другие произведе-

ния. Но он отрицал революцию, которая могла лишь породить хаос и новый всплеск насилия, что и произошло позднее.

Очень странно также, что Александра Львовна Толстая, младшая дочь писателя, которая в конце жизни Толстого играла огромную роль в его жизни и деятельности, упоминается лишь раз в конце воспоминаний, вместе с сыном В. Г. Черткова, Димой, сам В. Г. Чертков также, кстати, упоминается лишь единожды в воспоминаниях Эфендиева, что опять же странно, учитывая его роль и значение в описываемый период жизни Л. Н. Толстого (1908–1910-е гг.). Возможно, конечно, что они не были в Ясной Поляне, когда там был М. Эфендиев, но это маловероятно, так как в этот период именно они в духовном отношении ближе всего были к Л. Н. Толстому. Кстати А. Л. Толстая в своих воспоминаниях с негодованием писала об усиливающейся большевистской пропаганде в Ясной Поляне, идеях воинствующего атеизма и человеконенавистничества, которые провозглашались после революции представителями большевистской власти, разрушая и уничтожая все доброе и светлое, что было в учении Л. Н. Толстого, по принципам которого велось обучение в яснополянской школе. Обо всем этом, как уже упоминалось, с горечью писала А. Л. Толстая в своих воспоминаниях, но при советской власти они опубликованы не были, были только иностранные издания, которые А. Л. Толстая издала в эмиграции.

Таким образом, вполне возможно, что воспоминания М. Эфендиева были не только подцензурны, но и выполняли явно пропагандистский характер, стремясь показать Толстого и его семью сочувствующими идеям революции, что, конечно, не соответствовало истине. К тому же многие моменты, о которых упоминалось выше, свидетельствуют о явной недостоверности его воспоминаний. Возможно, что он жил в окрестностях Ясной Поляны и видел иногда Л. Н. Толстого и его семью, а, возможно, это было позднее, уже после смерти Л. Н. Толстого, в предреволюционные годы, но хронологические несоответствия и инверсии в воспоминаниях М. Эфендиева очевидны. Все это, конечно, значительно снижает эстетическую и историко-литературную ценность его воспоминаний. Но, вероятно, будущие исследования смогли бы прояснить многие странности в воспоминаниях М. Эфендиева и уже сам текст их воспринимался бы иначе. Пока же, без серьезной исследовательской работы, которую здесь сложно осуществить, оценивать более определенно воспоминания М. Эфендиева тоже трудно.

Все же нельзя не сказать, что и в этом виде, без комментариев, текстологических исследований, нам, конечно, интересно их прочесть. Интересно также, что наиболее достоверной в воспоминаниях представляется личность Андрея Львовича Толстого, в имении которого жил М. Эфендиев, и с которым, видимо, в основном и общался. Надо сказать, что при всех вышеуказанных моментах, личность этого сына Л. Н. Толстого обрисована вполне живо и убедительно. Вероятно, в отношении него не особенно возникали претензии цензурного и пропагандистского характера, поэтому перед нами предстает живой человек, в характере которого совмещаются как некоторое легкомыслие (пристрастие к охоте и развлечениям), так и великодушные, простота и легкость. Перипетии его личной и семейной жизни, о которых, очевидно, не знал и не упомянул М. Эфендиев, характеризуют его более явно, конечно, но и в портрете, созданном М. Эфендиевым, это понемногу проявилось. Воспоминания М. Эфендиева ценны прежде всего портретом А. Л. Толстого, так как о нем известно менее всего, он не оставил, как уже упоминалось выше, своих воспоминаний и дневника, а между тем его отношения с отцом, Л. Н. Толстым, были наиболее сложными и противоречивыми.

Таким образом, мы можем отметить, что при всем своем несовершенстве (отсутствие комментариев и т. д.) это издание воспоминаний дает нам представление о семье Л. Н. Толстого в сложный противоречивый период жизни писателя. Ценность воспоминаний М. Эфендиева для дагестанской мемуарной литературы несомненна, ведь это единственное, хотя и во многом спорное, мемуарное свидетельство дагестанца о Л. Н. Толстом и его семье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания // Сухотина-Толстая Т. Л. Из дневника. М., 1976. С. 237–249.
2. *Толстая С. А.* Дневники. М., 1978. Т. 2. 523 с.
3. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Изд-во «Художественная литература», 1947. Т. 21. С. 302–317.
4. *Эфендиев М.* Я знал Льва Толстого и его семью. Махачкала, 1964. 119 с.

Поступила в редакцию
13.10.2020 г.

Исмаилова Зарема Рамазановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: iyalidnc@mail.ru

Ismailova Zarema Ramazanovna, Candidate of Philology, research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: iyalidnc@mail.ru